6-8

4. Назым Хикмет
5. «А был ли Иван Иванович?»
6. Душанбе. Рус. драматич. театр им. Маяковского
7. Режиссер – Герр А. А.
Художники – Карнеев Л. С., Булычев А. А.
Композитор – Муравин М. С.

1 экз.
143

9 СЕН 1956
Коммунист Таджикистана
Сталинабад

ТЕАТР

„А был ли Иван Иванович?"

(К постановке пьесы Назыма Хикмета в Русском драмтеатре им. Маяковского).

В заметке «Что такое «Баня»? Кого она моет?» В. В. Маяковский писал о своей пьесе: «Баня» — вещь публицистическая, поэтому в ней не так называемые «живые люди», а оживленные тенденции. Сделать агитацию, пропаганду, тенденцию живой — в этом трудность и смысл сегодняшнего театра... Попытка вернуть театру зрелищность, попытка сделать подмостки трибуной — в этом суть моей театральной работы». В этом, на наш взгляд, и суть театральной работы выдающегося турецкого писателя, продолжателя традиций Маяковского Назыма Хикмета, чью новую пьесу «А был ли Иван Иванович?» первым среди театров Советского Союза осуществил на своей сцене Русский драмтеатр им. Маяковского.

Решительно отметя в сторону сомнения маловеров (а они нашлись и в самом театре, и в Управлении по делам искусств) в том, дойдет ли хикметовская пьеса до зрителя, театр поставил ее по-партийному, остро, сделал свои подмостки трибуной, с которой зло и беспощадно заклеймил бюрократизм, угодничество, лесть, подхалимство, зазнайство, самовлюбленность. Это и есть как раз тот букет, аромат которого так дурманит слабые головы некоторых горе-руководителей. Это и есть та самая почва, на которой могли возникнуть культы и культики со всеми вытекающими последствиями.

Как и «Баня», пьеса Н. Хикмета — вещь публицистическая. Многих в зрительном зале она бьет не в бровь, а в глаз, и потому, когда все смеются, они сидят такие насупленные, потому-то на этом спектакле нет равнодушных, и мнения резко разделяются: одним, а их большинство — нравится, другим — нет. Одни, а их большинство, с удовлетворением повторяют слова Хикмета о его долге коммуниста раздавить змею, которая ползет в доме его друзей, на его второй Родине — в Советском Союзе. Другие же, чувствуя себя глубоко задетыми, пытаются убедить окружающих, что пьеса слаба и непонятна. Можно, естественно найти в пьесе и недостатки и недоделки. Но несомненно одно — ее политическое содержание актуально, оно выражено с присущими Хикмету страстностью и новаторством, и самое главное — находит горячий отклик у зрителей. Недаром же, когда в финале спектакля Человек в кепке, в ответ на реплику окончательно прозревшего Петрова: «Довольно! Я понял», обращается в зал с вопросом: «Вы тоже поняли? Меня очень интересует, поняли ли вы: был Иван Иванович или не был?» — из зала несутся возгласы: «Поняли! Не был!».

Зрители поняли: Ивана Ивановича, который пытался на протяжении всего действия погубить хорошего советского человека Петрова, — не было. Этот, так называемый «Иван Иванович», принимает всевозможные обличия — то это льстивость одного, то беспринципность другого, то подхалимство третьего... И сегодня, когда советский народ настойчиво преодолевает последствия культа личности, хикметовская пьеса звучит как нельзя более злободневно. Поставив ее, коллектив театра им. Маяковского проявил не только творческую смелость, но и большое политическое чутье: пьеса не только хорошая, она — нужная. То же можно сказать и о постановке с ее мыслью о том, какая трагедия постигает руководителей, оторвавшихся от народа, и как народ помогает им осознать ошибки, вернуться на прямую дорогу жизни.

Сатирическая направленность пьесы, ее несколько необычное драматургическое построение потребовали от постановщика спектакля режиссера А. А. Герра, художников Л. С. Карнеева и А. А. Булычева, композитора М. С. Муравина и всех исполнителей яркого театрального зрелища, в котором бы во весь голос прозвучали, как говорил Маяковский, ожившие тенденции.

Театру удалось это. Спектакль «А был ли Иван Иванович?» по-настоящему театрален, решен интересно, радует щедростью творческих находок режиссера, художников и композитора, находок, еще более резко подчеркивающих политическую идею пьесы. Это тем более отрадно, что театр впервые попробовал свои силы в новом для него жанре сатиры.

Вилы на игровом занавесе, крокодил с одной стороны сцены и большой вопросительный знак с другой сразу, еще до начала спектакля, вводят нас в действие, а появление многих персонажей пьесы из зала, общение Человека в кепке и Человека в соломенной шляпе со зрителями создают нужную атмосферу и контакт с ними. Благодаря этому, а также удачному музыкальному оформлению, повышается та активность зрительного зала, которая служит творческой зарядкой для артистов и помогает им от спектакля к спектаклю глубже раскрывать все новые и новые подтексты пьесы.

Постановщик и художники спектакля (*один из них Л. С. Карнеев является* и исполнителем роли Ивана Ивановича, так что художник в нем помогал *артисту — и наоборот*) нашли очень убедительное гротесковое решение многих сцен и для многих образов, в том числе и для Ивана Ивановича, с одной стороны, как живого человека, подленького, льстеца, и с другой стороны, как существа в какой-то мере нереального, как некий символ. Это подчеркивается одинаковыми костюмами Петрова и Ивана Ивановича, их внешним сходством, наконец, появлением Ивана Ивановича как двойника Петрова из портрета последнего в его собственной приемной. Гротесковая подача образов еще более выиграла бы, если бы исполнитель роли Петрова артист А. Г. Чернов вслед за Хикметом не обытовлял своего героя в первой, менее сильной картине так, как он это делает сейчас.

Иван Иванович Л. С. Карнеева — все время в действии. Он неусыпно следит за каждым шагом Петрова. Он азартно ищет его слабые струнки и, нащупав их, обрушивает на него такой поток медоточивых хвалебных речей, «дружеских» советов, что тот и впрямь начинает мнить себя чуть не пупом земли, превращается в заносчивого демагога, начальника важного и столь же глупого, сколь напыщенного. Эта линия в спектакле и режиссерски, и актерски, и художественно, и музыкально прочерчена рельефно, четкими штрихами. Вспомним сценку фотографирования Петрова или же как под торжественный марш на мотив «Чижик-пыжик» появляется процессия с готовым его портретом. Вспомним огромный плакат с его изречением в «персональном» бассейне: «Плавание как в пресной, так и в соленой воде является лучшим видом спорта» (Петров). Все эти сатирические детали, а их в спектакле много, заостряют мысль автора, помогают лучшему ее восприятию зрителями. И когда временами у Петрова проясняется сознание, а А. Г. Чернову это удается отлично показать в картине «Буфет», при встрече с Люсей, Иван Иванович — Карнеев саркастической репликой, одним тоном своего голоса одергивает его, ретиво напоминает в высокопарных заштампованных изречениях о «высоком» назначении такого важного лица в городе, как *он*, рьяно создает вокруг Петрова «атмосферу» и «авторитет». Эта роль оказалась по плечу артисту. И если бы Карнеев чувствовал себя на сцене еще более свободно; если бы он искал более тесного общения со своими партнерами, а не опережал зачастую их действия своими репликами, как, например, в сцене «отравление Петрова», которую надо проводить легче и тоньше; если бы артист еще больше поработал над своим голосом, добиваясь многоцветности интонаций, — образ обрел бы гораздо большую законченность и остроту.

В этой связи театру предстоит обсудить и такой важный для выявления идейной сущности спектакля вопрос, как первое появление Ивана Ивановича. Режиссер в целях большей театральной выразительности заставляет Ивана Ивановича бежать через весь зал на сцену от преследующих его... милиционеров(?!), скрыться — и только затем, обманув их «бдительность», представиться зрителям. Невольно, в зале подозревают, что это жулик, чуть ли не мелкий воришка, ибо трудно предположить, чтобы зло, олицетворяемое в Иване Ивановиче, можно было изгнать из нашей жизни с помощью милиции. Если бы это было так, Хикмету не понадобилось бы писать свою пьесу. Конечно, режиссеру жалко отказываться от этого приема, уж больно эффектно появление «героя», но когда один такой «эффектик» грозит в спектакле смещением идейных акцентов, право же, нужно набраться мужества и отказаться от него, пойдя в данном случае за автором пьесы.

Другое дело, когда режиссер вводит в финал пятой картины яркую сатирическую сценку, где поэт с пафосом читает хвалебную оду Петрову:

Да здравствует наш славный товарищ
С. Петров.
Ему я стих заздравный прочесть всегда готов...

И когда вслед затем в устах того же вдохновенного поэта — Н. И. Филипповича, Скульптора, чья роль шаржированно, сочно сыграна А. А. Булычевым, и Фотографа, едко поданного В. Я. Рейнбахом, звучит кантата, прославляющая «отца города» — сценка эта настолько органически входит в ткань постановки, что приди Хикмет на спектакль маяковцев, он, несомненно, включил бы ее в свою пьесу. Такая сценка, как говорится, льет воду на мельницу Хикмета. А бегство Ивана Ивановича от милиционеров мельчит и искажает и замысел автора, и как это ни парадоксально, и замысел самого режиссера.

Говоря о публицистическом звучании спектакля, нужно отметить хорошую игру А. Г. Чернова. Если вначале его Петрову не достает черт подлинной деловитости и мы видим лишь приятного, добродушного, отзывчивого человека, с готовностью помогающего то уборщице, то машинистке, то просительнице — и что плохо — занятого только этим, то начиная со сцен с портретами, в буфете и особенно в бассейне Петров — Чернов на наших глазах меняется. Его превращение в закоренелого бюрократа идет как по внешней, так и по внутренней линии, убеждающе логично. Вот он заходит в буфет в военной гимнастерке, сапогах и парусиновой фуражке. Он уже не ходит, а шествует. Он уже не просит у буфетчицы стакан чая, а приказывает. Он едва узнает Люсю, свою любимую (артистка М. Т. Ярцева). Он кричит на подчиненных, стучит кулаками по столу. На его нос нацеплены для пущей важности очки и он сбросит их только, когда спадет пелена с его глаз, в конце пьесы, после встречи со своим вторым «я» в лице его начальника Константина Сергеевича (хорош в этой небольшой роли артист С. Г. Зенин). А пока он жадно вдыхает воздух, отравленный лестью Ивана Ивановича и откровенным угодничеством своего секретаря (роль эта — лучшая работа артиста А. В. Златовратского, играющего подобострастного, услужливого подхалима, из тех, кто так и «ест глазами» начальство, предугадывая его малейшее желание). Юмористически-иронические нотки в игре Чернова еще ярче оттеняют чванство Петрова. Но наибольшей силы игра артиста достигает в картине «Бассейн». Здесь зазнавшийся Петров раскрывается до дна и в своих словах, и в своих поступках. Эта картина изобилует пародийными, бьющими в цель мизансценами. И если бы режиссер в пылу увлечения главным не забыл здесь и об участниках массовых сценок, индивидуализировал и придал каждому те или иные подлинно сатирические черты, не мирясь с ложным наигрышем, составляющим сейчас суть их пребывания на сцене, можно представить, как весома и зрима стала бы кульминация — этот апофеоз «культика», созданного вокруг Петрова. Верное ощущение природы образа помогло Чернову в двух последних картинах спектакля показать прозрение Петрова, который спешит «выгнать своего Ивана Ивановича». При этом философский смысл «Ивана Ивановича» раскрывается настолько ясно, что зал разражается аплодисментами. Этому во многом способствует умная трактовка образа Человека в кепке, олицетворяющего в пьесе народ, артистом М. Д. Закруткиным, и полный желчи и скрытого сарказма Человек в соломенной шляпе артиста Н. Я. Каюкова. Многие из остальных действующих лиц обрисованы верно, как, например, уборщица Татьяна Васильевна (артистка Н. П. Баль), шофер Саша (артист Г. И. Ключников), однако общим недостатком большинства исполнителей эпизодических ролей и ролей без слов является совершенное отсутствие характерности, ибо нельзя же всерьез говорить о типичности персонажей только на основании того, что на сцене толпятся загримированные под кого-то, одетые в театральные костюмы артисты.

Сам факт сценического рождения пьесы Хикмета в театре им. Маяковского и ее смелое прочтение делают постановку «А был ли Иван Иванович?» заметным событием в театральной жизни республики.

А. МОРОЗ.